

НАТАЛЬЯ ТИМОШЕНКО

A woman with long, straight brown hair and light-colored eyes stands in a dark, cluttered room filled with shelves of bottles and jars. She is wearing a dark jacket over a dark top. She holds a glowing red, crystalline gemstone in her right hand, which is dripping with a dark liquid. Her left hand is raised to her chest. The room is dimly lit, with a warm red glow emanating from a source in the background. The overall atmosphere is mysterious and ominous.

КРОВАВЫЙ
РУБИН

ПРОКЛЯТЫЕ АРТЕФАКТЫ

18+

Наталья Тимошенко

Кровавый рубин

Серия «Проклятые артефакты», книга 3

<https://litres.ru/73972081>

SelfPub; 2026

Аннотация

После путешествия на Крит друзья Стефана Яновского надеялись, что новое задание окажется в не менее приятном месте, но вместо моря и солнца получили старинный дом в глухой заснеженной тайге. Этот дом когда-то построил богатый золотопромышленник Иван Верховодин для своей жены, однако легенды о нем ходят самые жуткие. Верховодин был единственным, кому удалось найти в этих местах рубин, но, говорят, для этого ему пришлось заплатить немалую цену.

Более ста лет легендарный рубин считался утерянным, однако участница реалити-шоу, которое снимали в доме Верховодина, сфотографировала его на свой телефон, после чего погибла, а съемочная группа в панике сбежала, закрыв проект. Стефану удалось получить эту фотографию, и он немедленно снарядил экспедицию в тайгу, чтобы разыскать рубин. Дом встретил команду не приветливо и, похоже, всячески стремится избавиться от непрошенных гостей. Удастся ли им не повторить судьбу

телевизионщиков или же дом все равно возьмет плату за нарушение покоя?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Наталья Тимошенко

Кровавый рубин

Пролог

1870 год

Май в том году выдался по-собачьи злым: вместо весеннего тепла с гор спустился ледяной туман, перемешанный с колючей крупой снега. Иван, которому едва минуло девятнадцать, стоял по колено в мутной, обжигающей воде притока, чувствуя, как ноги в сапогах медленно превращаются в онемевшие куски льда. Его пальцы, испещренные мелкими порезами и мозолями от постоянного контакта с острым песком, почти не гнулись, но он продолжал методично трести лоток. Грязь была повсюду: под ногтями, в складках промокшей насквозь холщовой рубахи, на губах, соленых от пота и речной взвеси.

Каждый грамм золотого песка, который он вымывал на приисках Баринаова, казался Ивану личным оскорблением. Пока он гнул спину в ледяном месиве, «хозяин Урала» пил шампанское в богатых особняках. Здесь, на реке, жизнь человека стоила дешевле, чем старые сапоги. Желудок сводило от голода, в ушах стоял монотонный шум воды: звук, который Иван ненавидел почти так же сильно, как свою нищету.

Когда раздался долгожданный сигнал к обеду, Иван с трудом выпрямил задеревеневшую спину. Ноги слушались плохо, будто чужие, но инстинкт вел его к единственному источнику тепла: чадящему костру, вокруг которого уже собрались такие же серые, просоленные нуждой старатели, как и он сам. От их промокшей одежды поднимался густой пар с едким запахом махорки и немых тел, хмурые лица немного посветлели в ожидании горячего кипятка и скудной еды.

Иван присел на обледенелое бревно, потирая покрасневшие, опухшие ладони. Он не ввязывался в общий разговор об удачных сменах или долгах перед лавкой, а просто смотрел на огонь, и в его воспаленных глазах плясали искры, которые были куда ярче, чем та жалкая золотая пыль, что осталась на дне лотка.

— Вот найду самородок с кулак, — хрипло пробасил Федька, ровесник Ивана, такой же худой и грязный парнишка, прибившийся к старателям прошлой осенью, — и уеду в Екатеринбург или Пермь, куплю себе дом с резным крыльцом и лавку, девку найду самую грудастую. Буду торговать ситцем и сахаром, а в штольню эту даже во сне не вернусь.

— С кулак он найдет! — сплюнул в костер хромой Михалыч, и пламя недовольно шикнуло. — Ты, Федька, с кулак только дыру в своем кармане найдешь. Бариновские приказчики за каждую песчинку душу вытрясут, а если что стоящее увидишь, так в тот же вечер в овраге и прикопают. Мечтай больше!

Федька обиженно замолчал, обхватил опухшими пальцами кружку с пустым кипятком, надулся, как воробей в морозы. Иван Федьку недолюбливал. Был тот болтлив, хвастлив, а на деле же ничего не стоил. И за что его только Баринов держит? Толку от него как от козла молока.

Еще один старатель, Семен, который все это время молча жевал корку черствого хлеба, вдруг поднял глаза. Его лицо, испещренное морщинами, в свете костра казалось высеченным из камня.

— Золото — это что... Золото — оно жадное, но понятное, — негромко проговорил он, и остальные невольно притихли. — А вот про «проклятые слезы» слышали?

— О, очередная байка сейчас будет, — рассмеялся кто-то из старателей, сидящих подальше от костра, но Семен не обратил на него внимания.

— Слышал я, будто в этих горах алмаз есть чистый, как утренняя роса, да только в руки он дается не всякому. А да же если и дался, то радоваться рано. Был у меня знакомец, Гришка Рваный. — Семен зловеще прищурился, глядя в самое пламя. — Нашел он в старой штольне, что за Чертовым пальцем, россыпь такую, что в глазах рябило. Радовался, дурак, кричал на все прииски, что теперь в шелках ходить будет.

Семен замолчал, подбросил в огонь сухую ветку, которая тут же с треском лопнула.

— И что Гришка? — не выдержал Федька, подавшись впе-

ред.

— А ничего. Через неделю нашли его в избе. Всю семью: и жену, и деток малых — будто звери лесные порвали, а самого Гришку на пороге пристроили с пустыми глазницами. А алмазов тех и след простыл. Алмаз в горах — это не просто камень, это слезы Хозяйки. Чтобы его взять и гнев на себя не навлечь, мало удачи. Знать надо, какое слово сказать и какую десятину горе отдать. Если без спросу цапнешь, Хозяйка твой дом в могилу превратит.

Иван слушал, не шевелясь. История о проклятых алмазах, принесших смерть в дом, не испугала его. Напротив, отозвалась внутри странным, диким каким-то азартом. Он не боялся никакой Хозяйки, он боялся прожить жизнь в этой ледяной воде, до смерти пить пустой кипяток и заедать черствым хлебом. Вот что пугало его по-настоящему.

«Если гора требует десятину, я дам ей десятину, — холодно подумал он. — А семьи у меня все равно нет, не за кого переживать».

Мамка Ивана умерла, когда ему было всего десять годков, а отца он и не видел никогда. Был тот из таких же золотодобытчиков, как ветер: сегодня здесь, завтра там. Ищи-свищи. После мамкиной смерти Иван был приживалой у дядьки, да быстро его оттуда поперли. Кому лишний рот нужен, когда самим не хватает? Мыкался несколько лет, пока не попал в артель к Баринову, но и здесь надолго задерживаться не собирался.

В его голове, затуманенной холодом, вдруг отчетливо прояснилось: он купит штольню, чего бы это ни стоило. Найдет эти «слезы», но в отличие от Гришки, будет знать, как договориться с горой. Где-то в глубине сознания уже рождалась уверенность, что он — единственный, кто сможет приручить эту силу, превратив проклятие в чистое, сверкающее могущество.

Обед закончился быстро, оставив после себя лишь горький привкус махорки и еще более острое чувство голода. Иван вернулся в ледяную воду, стараясь держаться поближе к Семену. Струя воды здесь была злее, но именно Семен, со своим многолетним чутьем, всегда знал, где дно богаче. Теперь старик казался Ивану не просто измотанным работягой, а носителем тайного знания.

— Дядька Семен, — вполголоса начал Иван, ритмично встряхивая лоток, чтобы смыть верхний слой песка. — А те алмазы... неужто правда? Неужто золото против них — так, пыль под ногами?

Семен покосился на него, не разгибая спины. Его лоток двигался с точностью часового механизма.

— Золото — это хлеб, Ваня. Алмаз — это корона. Найди ты здесь прозрачный кристалл с горошину — и сытая жизнь у тебя в кармане. Только вижу я по тебе, что амбиций много. Не хочешь ты, как Федька, лавку и девку грудастую. Тебе славу подавай, почет. Но алмазы ничего, кроме богатства, не принесут. А если хочешь настоящий почет, если хочешь,

чтобы говорили о тебе все, чтобы даже в Петербурге тебя знали, рубин найти надобно.

— Рубин? — удивленно переспросил Иван. — Так не водятся они здесь.

— В том-то и дело. Намыть золото — много ума не надо. Найти алмазы — только твоя удача. Ничего тут от тебя не зависит. А вот чтобы рубин найти, характер нужен. Смелость. Вот об этом говорить будут. Рубины в крови рождаются, и никак иначе.

— Дык как же его найти, если нету?

Семен хитро усмехнулся.

— Для всех нету, а для тех, кто людей слушать умеет, есть. Знавал я одного старика, он рассказал, как рубины добыть можно.

— А чего ж вы не добыли тогда? — прищурился Иван, на мгновение отрываясь от лотка.

Семен вздохнул.

— Смелости не хватило. Я из-за трусости своей здесь, на приисках, и оказался. Я ведь не то что остальные старатели. Ученый, образованный, в Москве учился! Так судьба-злодейка сюда забросила. И на рубины дерзости не хватит. Да и ты лучше про алмазы думай, парень. Золото приисковое тебя не прокормит, только спину сломает, алмазы обогатят. А рубины выбрось из головы. Зря я тебе сказал.

Иван кивнул, но в голове его уже выстраивался иной расчет. Он смотрел на свои покрасневшие руки и видел в них

не лоток, а ключи от тяжелых дверей собственного дома.

«Сперва золото, — лихорадочно думал он. — Буду откладывать каждый грош, буду красть, если придется, буду грызть эту землю зубами. А потом и до алмазов дело дойдет».

Он решил, что не останется вечным старателем у Баринава. Он выкупит свою штольню. А там его пробивной характер и звериное чутье сделают свое. Он найдет алмазы, чтобы купить себе имя, найдет золото, чтобы купить власть.

Но где-то на самом краю сознания, глубже алмазных жил и золотых россыпей, ядовитой занозой засела мысль о рубинах, рожденных из крови. Алмазы давали блеск, но рубины... рубины обещали нечто большее. Тепло, которое никогда не даст этот проклятый уральский май. Иван сжал края лотка так, что костяшки побелели. Он еще не знал как, но непременно узнает у Семена, как добывать рубины. И уж у него смелости хватит!

Глава 1

Наши дни

Февраль в глухой тайге за Пермью совсем не то же самое, что в яркой, освещенной Москве. Деревья практически смыкались кронами над головой, превращая небо в узкую серую полосу, а старая лесовозная дорога угадывалась лишь по просвету между стволами да по более или менее ровному слою снега, под которым скрывалась еще с осени разбитая колея. Свежий пухляк, выпавший за ночь, лежал сверху рыхлым одеялом, коварно скрывая и пни, и поваленные ветки, поэтому о том, чтобы добраться до места на машине, не шло и речи.

Рев двух снегоходов вяз в тяжелых еловых лапах, а Лу, вцепившись в куртку Дэна, чувствовала каждое движение машины. Дэн вел уверенно, стараясь ловить гусеницей твердое основание старой дороги, но даже под его руками снегоход порой капризно вилял, когда лыжа соскальзывала в мягкую пустоту кювета. Позади, на жесткой сцепке, подпрыгивали нагруженные нарты; на таком снегу они работали как якорь, то и дело норовя завалить снегоход набок. Под брезентом глухо перекатывались сумки с вещами, едой и канистры с топливом — единственный залог возвращения в цивилизацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.